

Утренний выпускъ.

Объявленія за строку петита или малым. въ мѣсто: въ Латвіи въ текстѣ 1 Л. 40 с. (70 р.), предл. тира 14 с. (7 р.), повел. текста 34 с. (17 р.) + 10% город. налога. Для заграничн 10 амер. цент. за строку.

Ред.: Рига, Мельничная 57 (угол. Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. трон. — 21783 и 21834, ночная редакция — 21834. Главная контора и экспедиція Рига, Мельничная ул. 57. Тел. конторы 21080, телеф. рекламнаго отдела 21225.

СЕГООДНЯ

№ 101.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

14-й г. изд.

**Понедѣльникъ,
11 апрѣля 1932 года.**

Цена номера въ Латвіи 12 сент. (3 р.) въ Латвіи за оба изд. 60 цент. Подписная плата на „Сегодня“ въ мѣсяцъ (за 7 номер. въ недѣлю) въ Латвіи 3 Л. 75 сент. за границей 5 Л. 20 сент. или 1 ам. долларъ. Подп. пл. на „Сегодня“ и „Сегодня Вечеромъ“ (18 ном. въ нед.) въ Латвіи Л. 6.— за гр. 8 Л. 50 сент. или 1.70 ам. долл.

М. А. Чеховъ въ миниатюрахъ А. П. Чехова.

Какъ въ программѣ прошлаго года всѣ инсценированныя М. Чеховымъ миниатюры относятся къ тому времени, когда А. Чеховъ сотрудничалъ еще въ московскомъ „Будильникѣ“ и лейкинскихъ „Осколкахъ“, подписывался „Антоша Чехонте“ и молодое, беззаботное веселье лилось у него черезъ край. Это—первая половина 80-хъ годовъ (83-86 г. г.). Неугомонное воображеніе, острота наблюдательности, неисчерпаемый юморъ, простота, легкость, непринужденность формы говорили уже о будущемъ молодого таланта, но рассказы оставались еще благодушными шутками. Въ нихъ еще весна Чехова, въ нихъ молодой, остроумный, беззаудержно веселый онъ еще мало задумывается.

Одинъ изъ рассказовъ — „Языкъ до Киева доведетъ“ — такой еще юный, ранній, что Чеховъ, кажется, даже не включилъ его въ собраніе сочиненій.

Исключеніе только „Вѣдьма“, рассказъ, написанный хоть и въ этомъ же періодѣ, но позже другихъ, уже на переломѣ, единственный въ программѣ рассказъ, который показываетъ Чехова, какимъ онъ скоро станетъ, тонкаго художника съ его исключительной формой.

Такие рассказы, гдѣ форма играетъ уже большую роль, для инсценировки всегда труднѣе, потому что сцена, помимо того, что не можетъ дать имѣющей иногда громадное значеніе описательной части, она неизбѣжно утаиваетъ и всѣ брошенные вскользь авторскія замѣчанія, которыя дополняютъ человѣческія фигуры, даютъ имъ такой большой

внутренній смыслъ, внезапно бросаютъ на нихъ такой яркій свѣтъ.

Тѣмъ не менѣе Чеховъ сумѣлъ „Вѣдьму“ прекрасно показать. Не только самъ онъ (дядечекъ Савелій) далъ изумительный по художественному юмору фигуру — такъ и остаются въ памяти три длинныхъ рыжихъ волоса, почему — то отдѣльно нелѣпо прыгающихъ надъ жиденькой бородкой, спотыкающаяся косноязычная рѣчь, ужимки, походка — великолѣпной „чиртовой“, „вѣдьмой“, была Бунчукъ, отлично передавшая злую скуку совместной жизни гдѣ — то въ церковной сторожкѣ съ слабосильнымъ, глупымъ мужемъ, томленіе изголодавагося большого сильнаго молодого тѣла. Простъ, хорошъ былъ и Громовъ въ роли почтальона, въ особенности въ послѣдней сценѣ.

Но въ „Вѣдьмѣ“, близко держась подлинника чудснаго рассказа, Чеховъ не даетъ себѣ того простора блестящаго импровизатора — актера, какой онъ разрѣшаетъ себѣ въ болѣе раннихъ чеховскихъ миниатюрахъ „Языкъ до Киева доведетъ“ и „Забывъ“. Тутъ онъ беззаботно отдается вдохновенію, творить, почти не считаясь съ авторомъ, и то, что онъ показываетъ, воистину безподобно. Врядъ ли даже самъ А. Чеховъ, несравненный юмористъ, при всемъ своемъ юморѣ и неистощимости воображенія представлялъ себѣ своихъ героевъ такими смѣшными. Что за уморительная фигура безпокойный человѣкъ въ цилиндрѣ со своимъ остолебеннымъ взглядомъ и моржевими усами, въ саду передъ

концертной эстрадой, или господинъ, пришедшій въ нотный магазинъ и забывшій, что ему надо купить. Темы крохотныя, даже рѣчей почти нѣтъ, но какіе узоры расшиваетъ тутъ Чеховъ, что только ни дѣлаетъ онъ со своимъ лицомъ, глазами, жестами, интонаціями! Гомерическій смѣхъ не умолкаетъ въ залѣ ни на минуту...

Между прочимъ, и въ миниатюрѣ „Забывъ“ Громовъ въ роли приказчика очень выдержанъ. У него непринужденность, мѣра, тактъ. Съ нимъ же и очень живо игравшими Левинкой, Астаровымъ, Ченгери, Долинымъ, Унгеромъ, отлично изображавшимъ клубнаго лакея Шаховскимъ показана „Маска“.

Весело разыгранъ и „Мыслитель“, только напрасно Свободинъ въ роли этого мыслителя, — тюремнаго надзирателя Ушкина, — такъ излишне горячъ, порывистъ, все время въ движеніи. Дѣло вѣдь происходитъ въ жаркій лѣтній день и все именно въ этой жарѣ, въ разморенности, когда лѣнь пошевелить пальцемъ и въ мысляхъ отъ этого и рождается сумбуръ. Но тонъ хорошъ, и у него и у Кременецкаго, давшаго и очень характерный гримъ.

Въ общемъ вечеръ миниатюръ имѣлъ такой громадный успѣхъ, доставилъ зрителямъ такое наслажденіе, что будетъ истинно жалъ, если его не повторять и выступленіе Чехова въ Русской Драмѣ дѣйствительно послѣднее, какъ было объявлено.

ЛЕВЪ МАКСИМЪ.